

НАРЦИССИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И МЕСТА ЕЕ ОБИТАНИЯ

Мартишина Наталья Ивановна,

доктор философских наук, профессор,

заведующий кафедрой «Философия и культурология»

Сибирского государственного университета путей сообщения,

Россия, 630049, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 191

ORCID: 0000-0001-6402-443X

nmartishina@yandex.ru

Аннотация

Статья является откликом на опубликованную ранее («Идеи и идеалы», 2021, № 3) статью П.А. Ореховского и В.И. Разумова «Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики». Автор считает эффективной метафорой определение культуры как нарциссической, позволяющей концептуализировать общую тенденцию, проявляющуюся в ряде внешне разрозненных явлений. Этосом современной культуры становится центрированность ее представителей на себе, организация и оценка реальности в отношении к этому центру как естественная установка. В статье предлагаются некоторые из возможных направлений развития концепции. В качестве оснований нарциссической культуры рассматриваются демассификация производства и девальвация объективного знания в информационной динамике. Автор считает возможным установить связь распространения нарциссической культуры с развитием предметно-практического знания – систематизированного и дидактически оформленного опыта – как особого эпистемического типа и с утверждением его в качестве своеобразной альтернативы классическому научному знанию. Рассматриваются проблемы, связанные с параллельным функционированием в системе образования двух типов знания. Как закономерное явление в контексте нарциссической культуры оценивается радикальная формализация системы образования, поскольку демонстрация и позиционирование в этом типе культуры приоритетны по сравнению с реальным содержанием. В связи с этим отмечен возрастающий разрыв между обращением информации в коммуникационных потоках и достижением уровня знания их участниками. Родовым признаком знания является системность, предполагающая в том числе установление содержательных взаимосвязей между областями знания, формирующими как общую, так и профессиональную картину мира. Отмечается, что произвольная трансформация организационных рамок образовательной деятельности, контролируемая формальными признаками, разрушает эти взаимосвязи. Также одним из проявлений

нарциссической культуры признается околонуучное знание. Его традиционное основание – промежуточный уровень образованности, обеспечивающий пиетет по отношению к науке (при неспособности реально оценивать содержание научных идей) – дополняется в условиях нарциссической культуры всеобщей убежденностью в оправданности любых взглядов и нарциссической верой в достаточность собственной способности к суждению. Вместе с тем нарциссическая культура имеет свои ресурсы роста, которые могут быть использованы в том числе в образовательной практике.

Ключевые слова: нарциссизм, современная культура, философская метафора, высшее образование, информация и знание, предметно-практическое знание, околонуучное знание.

Библиографическое описание для цитирования:

Мартишина Н.И. Нарциссическая культура и места ее обитания // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 1, ч. 1. – С. 194–213. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-194-213.

Вместо введения: метафора – оружие философа

- Основной документ буддизма называется «Трипитака» – «Три корзины».
- А откуда такое название?
- Так они документацию по трем корзинам раскладывали.

Из разговоров на экзаменах

В обсуждении статьи П.А. Ореховского и В.И. Разумова «Время карнавала: российская высшая школа и наука в эпоху постмодерна» [9] при всей полемичности ее содержания неожиданно острым оказался вопрос о форме: не является ли способ изложения, выбранный авторами, излишне метафорическим; не выводит ли использование по временам публицистического стиля статью за пределы научного дискурса, и насколько указанные особенности текста органичны в жанре публикации в философском журнале. В связи с этим хотелось бы, прежде чем переходить к основной теме, сказать несколько слов по вопросу, связанному с ней скорее косвенно, но требующему едва ли не от всех пишущих в настоящее время философские тексты некоторого самоопределения.

Формат IMRAD, когда-то считавшийся предназначенным не для аналитических статей, а исключительно для первичных публикаций, представляющих научному сообществу данные, полученные в экспериментальных исследованиях [6, с. 24], в настоящее время стал суровой реальностью для всех, кто вынужден публиковать статьи в требуемых местах, и понемногу приучает нас всех к «единственно правильной» организа-

ции текста. Никаких труднопереводимых языковых ухищрений, стилистических красот, риторических фигур, этоса и пафоса. Внятно изложи, что конкретно ты сделал, с описанием методики, позволяющей другому профессионалу целиком повторить твою работу; предъяви осязаемый результат и сформулируй рекомендации (лучше – адресованные какой-нибудь определенной инстанции) к его применению на практике. Как-то незаметно по мере того, как мы всё лучше осваиваем эту технологию, отступают на задний план воспоминания о том, что та философия, которая привлекла нас когда-то, была, вообще говоря, иной – яркой, авторской, оценочной, зачастую эпатажной, «веселой наукой». Подвергается сомнению и сама идея о том, что философия может не пользоваться принятым в эмпирическом естествознании форматом не потому, что «не тянет», а потому, что ориентирована на другой способ изложения в силу своей внутренней сущности.

Не хотелось бы, защищаясь от этой навязываемой сциентизации, уже переходящей на уровень самоцензуры, впасть в противоположную крайность с гордым заявлением о том, что «научная философия есть философия лишенных философского дара и призвания» [1, с. 33]. Но если мы признаем, что философское размышление предполагает интенцию к постижению бытия сверх непосредственно данного в эмпирическом опыте, аксиологическое осмысление, борьбу со стереотипами и высокий уровень критичности, – всё это, очевидно, требует и соответствующих средств выражения. Философ в наибольшей степени выступает как философ не тогда, когда он взвешенно констатирует объективные факты – Земля вращается вокруг Солнца, а когда призывает «потрястись мыслью» о том, как мала Земля «со всеми ее державами и городами» по сравнению с внезапно распахнувшимися перед человечеством глубинами бесконечного космоса. Двигаясь из логики в аксиологику, философия не автоматически теряет научность; иногда, в удачные моменты, она становится чем-то большим по сравнению с объективным научным анализом. Что уж говорить о востребованности этой функции философии в периоды, когда происходит переопределение важнейших социальных реалий, требующее не только теоретической рефлексии, но и отчетливо артикулированной оценки.

Но даже если мы остаемся в пространстве теоретических построений, без выхода за пределы определяемых рационально-логически и не заключающих в себе никаких лишних смысловых слоев и интерпретаций понятий в философии обойтись невозможно. Как еще дотянуться до того, что «брезжит на пределе достижимого», если не с помощью метафоры, связывающей далекое с чем-то близким, а глобальное – с локальным, обозримым? По словам Х. Ортеги-и-Гассета, «метафора – это действие ума, с

чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям», она «удлиняет радиус действия мысли, представляя собой в области логики нечто вроде удочки или ружья» [11].

Концептуализация тенденции, которая пока еще выглядит на поверхности как ряд не связанных друг с другом проявлений, требует как раз такой «удочки» (или «рыболовной сети»). Когда философ определяет культуру как фаустовскую или магическую, видит в ней борьбу аполлонического и дионисийского, спектакль, карнавал, макдональдизацию и т. д. – он использует метафоры. Но в результате он дает явлениям названия. А как всегда знали философы, «не такое уж это ничтожное дело – установление имен, и не дело людей неискусных или случайных» [12, с. 622]. В терминах классической философии он выявляет сущность, скрывающуюся *in re*, делает важное, но скрытое явным и поддающимся дальнейшему осмыслению. По словам У. Эко, «знать – значит дать имя» [15, р. 68].

В терминах неклассической философии он создает тем самым это явление, «вызывает к существованию». Выбранное определение реальности высвечивает объекты в определенном ракурсе, заставляет их разворачиваться к изучению под выбранным углом зрения, стягивает, как сетью: «Имя есть некоторое орудие... распределения сущностей, как, скажем, челнок – орудие распределения нитей» [12, с. 619]. И реальность, зафиксированная названием, застывает в определенной конфигурации.

По словам М. Блэка, похвалить философа за метафору – всё равно что похвалить логика за красивый почерк [2, с. 153]. Дело не в метафоре, а в идее, которую она выражает. Но всё-таки метафоры бывают более или менее удачными; и предпочтительнее те, что стягивают сетью «распределения сущностей» многие явления, обнаруживая, как это делает подлинно научная теория, наличие единого принципа там, где до этого существовал лишь ворох разрозненных объяснений. В этом смысле метафора «нарциссической культуры» – несомненно удачный (хотя наверняка не единственно возможный) способ обозначения духа современной культуры. Собственно говоря, моя статья и посвящена еще нескольким сюжетам в дополнение к обозначенным самими авторами, прояснение которых, как и обнаружение их принадлежности к общему тренду, кажется доступным с использованием определения культуры как нарциссической. Возможность экстраполяции теории на новые по сравнению с охватываемыми ею первоначально факты – одно из очевидных доказательств ее эффективности.

Нарцисс как лицо культуры

Что есть сей мир, солдаты?
 Это – я.
 Я – этот непрестанный снег
 И северные небеса.
 Солдаты, эти сирые места,
 Где мы идем,
 Есть я.

У. де ла Мэр. Наполеон

Когда в статье поднимаются актуальные практические проблемы, затрагивающие нас непосредственно на бытийном уровне, есть риск увлечься обсуждением этих проблем, проскочив мимо концепта, на котором основан способ их постановки. Между тем теоретическая идея статьи вовсе не является проходной и заслуживает, на мой взгляд, более подробного разговора. Авторы ее особо не разворачивают, полагая, по-видимому, что сущность идеи понятна из названия. Такая ситуация и приятна для читателя – в его способностях выполнить свою роль не сомневаются, тем самым давая ему право развивать собственную интерпретацию в каком угодно направлении – и вызывает у него некоторое опасение: не слишком ли он произволен в реализации этого права. Отсюда потребность эксплицировать трактовку ключевого понятия, чтобы как-то оценить степень совпадения того, что У. Эко назвал бы в этой ситуации «нуклеарным контентом» (в отличие от контента молярного).

С Нарциссом в принципе все ясно. Он влюбился в свое отражение и то ли так и умер на берегу, не в силах оторваться от созерцания прекраснейшего лица на свете, то ли покончил с собой, осознав, что его любовь не может стать взаимной. Как-то на периферии традиционного мифологического сюжета остается соображение о том, что Нарцисс не был законченным себялюбцем *изначально*. На роковой берег озера его привело проклятие Афродиты, это было наказание, а наказан он был за то, что не ответил на любовь нимфы Эхо, горько на это сетовавшей и жаловавшейся богам. Что, в свою очередь, порождает вопрос: а разве он был обязан? А разве в том, что что он не влюбился сразу во внезапно начавшую его преследовать диковатую девушку из леса, которая и высказаться-то толком не могла, повторяя только окончания обращенных к ней фраз, есть вообще чья-то вина? и это вина исключительно Нарцисса? Наверное, жизнь была бы устроена гораздо лучше, если бы любовь можно было включать и выключать волевым усилием, особенно на условиях взаимности, но не везло с этим во все времена, и далеко не только Нарциссу и Эхо. В общем-то, настроенность исключительно на собственные переживания без малейшего

импульса к тому, чтобы поставить себя на место другого, проявили в равной степени обе стороны этой истории. Нарциссизм в данном случае – даже не личностная характеристика, а стандарт поведения. Впрочем, для определения типажа культуры это даже больше подходит.

Как бы то ни было, Нарцисс остался в культурной истории символом человека, для которого существует в конечном счете только он сам – во всяком случае, ничего прекраснее и ценнее самого себя он в окружающем мире не находит. Ф. Бэкон, который интерпретирует этот миф вполне стандартно (в отличие от многих других сюжетов, где его фантазия весьма изоцирена), писал: «Люди с таким складом характера редко появляются в обществе или посвящают себя общественной деятельности, потому что в таком случае они неизбежно не раз столкнулись бы с пренебрежением и презрением, что могло бы обидеть и расстроить их» [3, с. 245]. Чем не описание современного молодого человека, предпочитающего проводить время в виртуальной реальности, поскольку контакты с внешним миром далеко не так предсказуемы и управляемы его желаниями?

Тема нарциссизма как определенного склада личности также вполне традиционна для психоанализа, где способность воспринимать только себя, а в окружающем мире видеть лишь источник удовлетворения собственных потребностей трактуется как естественное первичное состояние психики: так ощущает себя младенец. В дальнейшем человек вырастает из этого состояния, приучаясь считаться с реальностью и понимать других людей, но в этом процессе не все продвинуется одинаково далеко. По определению Э. Фромма, «для нарциссически увлеченного человека существует только одна реальность – реальность его собственных мыслительных процессов, переживаний и чувств. Внешний мир не переживается (воспринимается) объективно, то есть как существующий согласно собственным понятиям, условиям и потребностям» [13, с. 28].

В этой логике, именуя современную культуру нарциссической, авторы фиксируют в качестве определяющего способа ее существования центрированность ее представителей на себе, способность лишь от этого центра отсчитывать все проекты и оценки с условным признанием, но искренним непониманием возможности существования иных по принципам своего функционирования центров. И это заставляет нас вспомнить не только о О. Шпенглере, выбравшем для фиксации духа европейской культуры легенду о Фаусте (к нему статья апеллирует явно), но и о К.Г. Юнге, использовавшем психологические определения экстравертности и интровертности для характеристики западной и восточной культур. Перенос, на мой взгляд, более чем оправдан в обоих случаях: когда некий способ мироотношения становится доминирующим, он превращается в этос культуры, новую норму ее функционирования. Кстати, не настолько, как считают

авторы, устарел и Х. Ортега-и-Гассет с его описанием представителя нового общества как «человека массы», уверенного в своем совершенстве, своем праве на всё и готового реализовывать по отношению к этому всему принцип прямого действия: если тебе этого хочется – протяни руку, заведи и не парься особо по поводу того, что эта конфета интересовала и какого-то другого ребенка. Представитель нарциссической культуры является духовным наследником этого социального типа, только основанием для довольства собой у него становится усвоенная с детства убежденность в неповторимости собственной личности и безусловной значимости возможности ее самовыражения. Соответственно предоставить все условия для этого – не только законное требование к окружающим, но и долг мироздания.

Цветущая простота

У меня много самых разнообразных знаний: я хорошо разбираюсь в современных танцах и в маникюре.

*Из студенческого реферата по теме
«Многообразие видов познания»*

Если нарциссический тип личности представляется реинкарнацией и «своим иным» человека массы, то экономическим завоеванием, вызывающим его к жизни, является переход от массового к демассифицированному производству. С одной стороны, для этого появляются чисто технические возможности: при покупке современного автомобиля мы имеем возможность выбрать в соответствии со своими запросами не только марку, но и модель, цвет, комплектацию, а футболок с адресованными миру посланиями вообще можно наштамповать на любую тему. Все это перестает быть сложным и практически не удорожает производство, так что потребитель получает все шансы проявлять (и лелеять) свою индивидуальность в этой области. С другой стороны, это отличный способ продать ему еще что-нибудь после того, как удовлетворены запросы сначала базового, а затем символического потребления, так что тяга к самовыражению давно учтена и успешно эксплуатируется в качестве фактора, формирующего спрос. Бедные «снежинки», каждая из которых гордится своей неповторимой формой! Все вместе они неразличимы в снегопаде, который, собственно говоря, и нужен рачительному аграрию для обеспечения полей влагой. Если принцип бизнеса XX века – «пойми, что нужно клиенту, и придумай, как это сделать», то принцип бизнеса XXI века – «придумай что угодно и внуши клиенту, что ему это нужно». «Снежинкам» можно предлагать что угодно под видом возможности выделиться из толпы, и они всей толпой бросятся на новую наживку.

В более общем виде в трансформации современного производства порождающей средой нарциссической культуры становятся реалии информационного общества. И помимо общей проблематизации ценности фундаментального образования в условиях сиюминутной доступности любой локальной информации, информатизация всех сфер деятельности перераспределяет ценности знания еще в одном примечательном отношении.

В современной социальной практике становятся информационно-емкими, выделяются в специализированные формы деятельности и в конечном счете профессионализируются практики, традиционно выступавшие составляющими повседневной жизни: кулинария, садоводство, оформление интерьеров, воспитание детей и развитие их способностей в раннем возрасте, и т. д. Уборку в доме после ремонта берет на себя клининговая компания, организацию семейного праздника – служба кейтеринга, подбор гардероба – консультант по шопингу, разработку планов профессионального роста – дизайнер карьеры, коррекцию отношений – семейный психолог. Там, где начинается специализация, появляется и мастерство (реальное или старательно имитируемое), профессиональные приемы и терминология, правильные и отвергаемые методики, классификации и теории.

Всё это превращается в запрос, обращенный к системе образования, – получается, что всему этому нужно целенаправленно обучать – и становится основанием новых, современных специальностей (связи с общественностью, сестринское дело, управление электрическим транспортом...). В результате «возникает широкий спектр “сельскохозяйственных наук”, “семейных наук”, “кулинарных наук”, “музыкальных наук”, “спортивных наук” и пр. Эти дисциплины учат полезным знаниям и навыкам, но не содержат системы идеализированных объектов, процедур научного объяснения и предсказания и потому не поднимаются выше систематизированного и дидактически оформленного опыта» [7, с. 690]. По большому счету, их квалификация в качестве специальностей высшего образования поддерживается тоже духом нарциссической культуры, в которой все могут рассчитывать на свою долю признания, и «альтернативно одаренный» ученик, хорошо вырезающий фигурки из бумаги, ничем не хуже ровесника, уже разобравшегося в высшей математике: никто не должен чувствовать себя ущемленным.

Но с точки зрения эпистемологии знание, возникающее в таких локальных, прикладных областях, вовсе не является научным, а относится к особому когнитивному типу практического (предметно-практического) знания. И его появление в системе высшего образования с вытеснением традиционных университетских специальностей вроде классической филологии (ничего личного, всё в соответствии с запросами рынка труда) ведет

к системным противоречиям. Такие специальности требуют совсем другого построения обучения – с минимизацией теории, с расширенным применением активных методик и тренинговых технологий, с иным объемом и графиком практик, и т. д. Осознание этого порождает уже совсем абсурдное стремление превратить нормативные для таких дисциплин формы обучения во всеобщий стандарт, установив, например, отношение лекций к практическим занятиям не менее чем 1 : 2 (что вполне оправданно при изучении, скажем, прикладной информатики, но как прикажете уложить в девять лекций всю философию, и на каком уровне после этого будет происходить обсуждение философских проблем на восемнадцати семинарах?), предписав не менее 20 % учебного времени отдать специалистам-практикам (на истории? культурологии? теоретической механике?) или (последнее веяние) выделив в отдельную группу часы на практическую подготовку. На самом деле такие усредненные варианты плохи для всех, так как для дисциплин одного типа они трудновыполнимы, для других недостаточны, а пропорция зависит от направления подготовки. Вот стратегическая проблема, которую можно (и даже не очень сложно) эффективно решить, прислушавшись к мнению специалистов (в данном случае по теории познания)! И что делать эксперту, который даже и не хотел бы в данном случае быть абсентистом? Сколько ни пиши (включая издания, входящие в МБД и профильные для высшего образования [8]) – всё остается «колебаниями воздуха».

Рассуждение о методисте

Чтобы ум уже с самого начала никоим образом не был предоставлен самому себе, но чтобы он был постоянно управляем и дело совершалось как бы механически.

Ф. Бэкон. Новый Органон

По существу, вполне закономерна в рамках нарциссической культуры и та «революция методистов», которая непременно вызывает сетования преподавателей в любых дискуссиях о реалиях высшей школы. В нарциссической культуре важно не быть, а казаться: демонстрировать себя, позиционировать, проявлять. И вполне логично, что в модернизации высшего образования первыми освоили эти навыки те, кто изначально имел дело с формой, а не с содержанием. Это сейчас мы не глядя раскладываем любой индикатор достижения компетенции вроде «Логичное и последовательное изложение выявленной информации» на результаты изучения дисциплины: «Знать логические требования к изложению; уметь логично излагать информацию; владеть навыками последовательного

изложения», а когда-то нас и словосочетание «выявленная информация» было способно смутить. Вечно хотелось исправить формулировки, внести хотя бы вербальное разнообразие в перечни, как-то связать всё это с содержанием предметов. Потребовалось время, чтобы проявляемый педагогами по трудноистребимой привычке творческий подход уступил место механическим трансформациям, а желание научить дисциплине как можно лучше в пределах возможного и отразить свои креативные решения в рабочей программе – стремлению исключительно к прохождению нормоконтроля с первого раза.

Но всё равно высота полностью свободного от воспоминаний о сущности взгляда на преподаваемую дисциплину остается недостижимой. Говоришь, что нельзя объединять в один поток студентов со специальностей «Метрология и стандартизация» и, например, «Государственное и муниципальное управление», потому что им нужна разная направленность курса, и слышишь в ответ: «Но ведь у них одинаковое количество часов». Говоришь, что вот у этих двух специальностей разное количество часов и вообще семестр начинается у одних на неделю раньше, чем у других, и слышишь: «Нам необходимо укрупнение потоков, а иначе как же мы будем выходить на показатель 12 : 1» (и бесполезно вспоминать, что это соотношение количества студентов и преподавателей пришло из системы, где основная форма работы со студентами – отнюдь не массовые лекции в аудиториях). Понимаешь, что для каждой дисциплины существует минимальное количество аудиторных часов, и в меньшем объеме можно ее с тем же успехом не изучать вовсе, но в примерном учебном плане по направлению подготовки стоят другие цифры (а никаких убедительных альтернативных документов нет, последняя официально распространенная примерная программа по философии была датирована 2011 годом, да и она, честно говоря, реализмом не отличалась). Знаешь, что значение в достаточном объеме и вполне классически преподанной культурологии для воспитания ничем не заменимо, но в соответствии с последними рекомендациями культурология исчезает из учебных планов ради программы той же воспитательной работы или какого-нибудь нового курса вроде «Организации добровольческой (волонтерской) деятельности», который, конечно, является гуманитарным, и потому его необходимо ввести за счет гуманитарных дисциплин.

В нарциссической культуре внешность приобретает такое значение, что за ней естественным образом исчезает содержание. Система, отрабатывающая внешнее представление высшего образования, превращается в отлаженную машину. Заметим справедливости ради, что ей приходится постоянно защищаться от всё новых вызовов, в том числе со стороны потребителей образовательных услуг, отлично знающих свои права. И это

еще больше укрепляет всеобщую убежденность в том, что главное – правильное оформление.

Но общество, в котором для любого запроса в бескрайних информационных потоках доступен внешне соответствующий ему ответ, не случайно не оказалось в своем естественном развитии обществом знания. Точно так же, как продвинутые коммуникативные техники вроде «перескажите своими словами реплику собеседника, и это станет первым шагом к согласию» не работают на экзамене – отстальные преподаватели требуют ответа по существу, почему-то оказывается, что способность быстро, более-менее грамотно и с акцентировкой собственного мнения изложить основные теории управления еще не эквивалентна знанию того, как можно управлять работой на реально доставшемся тебе участке. При разграничении понятий «знание» и «информация» чаще всего указывают на то, что знание – способность личности организовать имеющуюся информацию так, чтобы на ее основе можно было приступить «к координированным действиям с целью достижения определенных целей или решения задач» [5]. На мой взгляд, этот принцип в современных условиях нуждается в корректировке: как раз быть готовым к координированным действиям можно и без проникновения в сущность, просто подчиняясь распоряжению (приказу, инструкции).

Во-первых, правильнее было бы сказать, что знание – это готовность не к действию, а к *деятельности*: к оценке ситуации, иерархизации целей, выработке стратегии и уже на ее основе – тактики, к выдвижению и сравнению различных вариантов (с пониманием того, что среди них может и не быть универсального) и принятию самостоятельных решений. Но если мы успешно освобождаем от этого всё функционирование системы образования, как мы, собственно, можем этому научить?

Во-вторых, родовым признаком знания является системность. Это не совокупность частных сведений по разным поводам, это организованная имманентной логикой совокупность представлений о той или иной области, где базовыми являются знания о ее общих закономерностях, где частные случаи подчиняются общим правилам, из которых не может быть произвольного исключения. Системное представление хоть о мире в целом, хоть о своей профессиональной области требует установления взаимосвязей между различными формирующими его дисциплинами. В классическом академическом образовании на установление таких связей работала сама последовательность изучения школьных предметов, разделов внутри предметов, вузовских дисциплин, распределение материала между ними. Когда исключаются одни предметы и вводятся другие, дисциплины перемещаются в другие семестры и на другие курсы, произвольно изменяется количество учебного времени, ради очередно-

го формального требования меняется соотношение лекций и семинаров и т. д. – нарушаются в первую очередь эти внутренние, не прописанные явно связи.

Наука и окрестности

Наука далеко не так трудна, как может показаться на первый взгляд.

П. Фейерабенд. Утешение для специалиста

Свою лепту в размывание (если не сказать – девальвацию) знания в системе образования вносят разнообразные активные методы обучения. Например, «учение с увлечением», обучение в игре, «перевернутый класс», экологическая парадигма прекрасно вписываются в идеологию нарциссической культуры. Они призваны реализовать индивидуальный подход с учетом запросов и особенностей личности обучающегося, но подспудно формируют оппозицию для традиционной модели получения образования как труда, который должен быть сложным и не обязан быть занимательным в любой момент. Кроме того, они не поддерживают саму идею существования хотя бы в некоторых вопросах истины, не сводящейся к победившему на короткий момент мнению, идеи, более правильной в силу соответствия реальности, а не просто удачнее аргументированной. Учащийся, которому предложили высказать собственное суждение по проблеме еще до знакомства с ее научным содержанием (технологии формирования критического мышления), который защищал ту или иную позицию в качестве учебного задания, а не в силу согласия с ней (метод шести шляп), который сам предложил цель и план урока (модель универсальных учебных действий), читал лекции своим однокурсникам по очереди с ними (методика «дублер преподавателя»), получил отдельный фрагмент общей темы для подготовки в составе команды (групповое обучение), безусловно, найдет какую-то информацию по теме и разовьет свои навыки информационного поиска. Но сумеет ли он отделить главное от второстепенного, уловить общую логику тему, понять, где безусловно нужный материал, а что завтра утратит свое значение, и наконец согласиться с тем, что некоторые позиции действительно имеют когнитивные преимущества – это большой вопрос.

Всё это становится критическим на таких ступенях обучения, как магистратура и аспирантура. Здесь уже принципиальными оказываются, во-первых, адекватная мотивация и трезвая самооценка тех, кто выбирает науку как призвание и профессию [17], и, во-вторых, понимание сущности научной деятельности, которое само по себе является достаточно сложным. Так, Комитет по научной грамотности и общественному восприя-

тию науки Национальных академий наук, инженерной деятельности и медицины (National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine) США указал на проблему понимания научной методологии (например, того, как на самом деле формулируются и проверяются гипотезы), проблему понимания содержания науки (знание ключевых фактов, понятий, концепций) и проблему понимания науки как социального процесса (например, способов организации научной дискуссии и критики), зафиксировав в качестве общемировой проблемы серьезную недостаточность представлений общественного сознания по всем трем направлениям [16, p. S-2]. В этой связи представляются весьма симптоматичными материалы недавнего (2019 г.) исследования, посвященного самоочувствию научной молодежи в современной России и организованного молодыми же российскими учеными. Как указывают организаторы, в нем приняли участие 166 молодых ученых в возрасте 18–35 лет из Москвы, Томска, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Саратова, Казани и других крупных образовательных центров. Большинство респондентов на момент исследования являлись студентами; 15,7 % – магистрантами; 10,8 % – аспирантами [14, с. 204].

В исследовании зафиксировано, что «основными каналами коммуникации, по которым молодежь в сфере образования получает информацию о развитии науки в России, являются:

- информационные каналы, такие как социальные сети, блоги,
- личное общение с профессорско-преподавательским составом, в том числе в рамках участия в научных проектах, грантах,
- площадки публичной научной коммуникации, такие как научные конференции, школы молодых ученых, кратковременные стажировки,
- публичные форматы представления научной информации: лекция-спектакль, Science Slam, научные кафе и др.» [14, с. 201].

Обращает на себя внимание, во-первых, отсутствие в этом перечне тех каналов приобретения информации, которые традиционно рассматривались как ключевые: учебная работа (в таких архаичных форматах, как прослушивание обыкновенных лекций (не спектаклей)), участие в лабораторных и полевых исследованиях, изучение научной литературы – все каналы поступления научных данных к индивиду сегодня обязаны быть современными и занимательными. Во-вторых, в описании научной деятельности, данном молодыми людьми, часть которых учится в аспирантуре, а примерно половина из оставшихся туда собирается, нет никаких позиций, указывающих на допущение возможности самостоятельного *создания* научного знания – например, обобщения результатов экспериментальной работы. Возникает скорее образ науки как уже готового резервуара информации, порцию которой молодому ученому предстоит получить в ходе представления, способного его увлечь (ответственность за увлекательность контен-

та возлагается на внешний источник), а затем еще более выигрышно изложить на следующем интересном мероприятии. Также организаторы считают: «Важным показателем того, что молодые ученые разбираются в исследуемой сфере, стало то, что наука, инновации и технологии для молодых ученых – понятия разные, но близкие и связанные между собой. Только 7,4 % опрошенных считают эти слова синонимами» [14, с. 206]. Иными словами, то, что не все опрошенные (гуманитарии!) путают между собой науку и технологии, уже считается достаточным признаком квалифицированного владения материалом.

Распространяющееся убеждение в том, что и применительно к науке не так важно, *что* утверждается (все равно завтра будет говориться что-то другое; гораздо важнее, *как* это звучит), имеет разнообразные и подчас неожиданные проявления. Уже несколько лет студенты с редким постоянством воспроизводят тезис «Выберите себе работу по душе, и вам не придется работать ни одного дня в жизни» как самое известное высказывание Конфуция. Бесплезно объяснять, что Конфуций такого не говорил. Какой-то американский журналист объявил этот тезис восточной мудростью, а дальше сработала цепочка ассоциаций: Восток – это Китай, а Китай – это Конфуций. И какая разница, что там было на самом деле? Не проверять же это, в самом деле, по «Лунь Юй»?

Отстраненное отношение к научному знанию, любая идея которого вполне заменима, если ее рассматривать как инструмент достижения персонального успеха, в сочетании с весьма условным знакомством со многими областями науки в современном образовании является в настоящее время одним из факторов роста различных форм околонучного знания. Речь идет даже не о классических паранауках вроде астрологии и коммерческих проектах типа дианетики, давно и прочно занявших свое место в российской культуре, а о всевозможных девиантных проявлениях, которые современные исследователи обозначают как «поп-науку» (А.Я. Флиер), «вульгарную науку» (В.Н. Сокольчик), «монетарное наукообразие» (Ю.М. Батурин), «экстраординарную науку» (Д.В. Головин), «полунаучные теории» (А.М. Коношкин), «как бы науку» (Р.Л. Лившиц), «эрзац-науку» (А.В. Флоря), «фолк-науку» (с предметными вариациями – например, «фолк-история» или «любительская лингвистика» (Д.Ю. Полиниченко)), «гаражную науку», «параллельную науку» (В.Н. Толстых) и т. д. Известно, что для распространения околонучного знания требуется определенный уровень образованности (полуобразованности) общества, обеспечивающий, с одной стороны, некоторый пиетет по отношению к тому, что объявляется научным, а с другой стороны, недостаточную квалифицированность массового сознания для предметной оценки концепций. В нарциссической культуре к этому добавляется все-

общая убежденность в том, что если ни одно мнение не лучше другого, так и мое суждение о чем угодно ничем не уступает суждению специалистов (а возможно, и превосходит их: специалисты мыслят стереотипно, а у меня свежий взгляд); что человек, обладающий определенными познаниями в одной предметной области, смело может выступать авторитетом в любой другой области; и вообще, свобода самовыражения, в том числе в развитии каких угодно идей, не может быть ограничена. Так что околонучное знание представляется сегодня одной из тех территорий, где нарциссическая культура процветает.

Заключение: нарциссизм как ресурс

У типичного представителя нарциссической культуры есть одно обязательное качество, которое, вероятно, можно оценивать по-разному, но которое вытекает из самой сути этого жизненного уклада: он хочет проявить себя, сбываться, самореализоваться – и он даже готов что-то сделать для этого. Он может предпринимать абсурдные действия, направленные на выполнение этой программы, но способен не отказываться от нее достаточно долго даже при неудачах и в общем не склонен рефлексировать по поводу того, стоит ли его личность того, чтобы заявлять о себе городу и миру, – для него это данность, аксиома. В своих прямолинейных проявлениях эта интенция раздражает, но в каком-то отношении она лучше, чем просвещенная апатия или чем политическая ангажированность. Возможно, это как раз тот персоналистский взгляд на историю, о котором рассуждали философы прошедшего века, с опытом консолидации перед каждым социальным катаклизмом: никакого общего дела нет и быть не может, и нечего надеяться на совместную борьбу и общую победу. Но если на этом витке культуры общего дела нет, готовность выполнить свою работу тоже сгодится – может быть, только так и переживаются подобные витки.

В разгар первой волны пандемии, когда от дистанционного обучения уже мутило (в разных смыслах, вплоть до физического), спастись от абсурда мне сильно помогла неожиданно проявившаяся категория студентов, которые обычно в группах не очень-то видны. Это люди, которые не склонны поднимать руку прежде, чем найдут ответ, лишь бы опередить других; они любят высказываться только тогда, когда им действительно есть что сказать, а над формулировкой ответа необходимо подумать. Иногда они способны додуматься до очень интересных вещей, только в обычной гонке это трудно успеть и трудно заметить. Вот эти люди на внезапно образовавшейся свободе вникали в философские тексты и проблемы, с удовольствием писали эссе, не используя (как это делали другие) первую попавшуюся фразу для торопливого выражения соб-

ственной позиции, а вникая в альтернативные идеи и расширяя свои горизонты. Некоторые из них потом говорили, что это был самый интересный учебный период в их жизни. У любой культуры, если уж она возникает, есть в тылу некий вызов, на который она нашла, возможно, не оптимальный, но жизнеспособный ответ. П.А. Ореховский и В.И. Разумов совершенно правы: нарциссическая культура еще очень молода, и всего ее потенциала мы еще далеко не знаем. Возможно, после его проявления мы ее обозначим как-нибудь еще.

Литература

1. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 230–316.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сборник / пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
3. Бэкон Ф. О мудрости древних // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 231–300.
4. Донских О.А. Дело о компетентностном подходе // Высшее образование в России. – 2013. – № 5. – С. 36–45.
5. Зелены М. Знание против информации // Элитариум 2.0: web-сайт. – URL: http://www.elitarium.ru/znanie_protiv_informacii/ (дата обращения: 07.02.2022).
6. Как написать и опубликовать статью в международном научном журнале: методические рекомендации / сост.: И.В. Сви́дерская, В.А. Кратасюк. – Красноярск: Изд-во СФУ, 2011. – 52 с.
7. Касавин П.Т. Паранаука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, 2009. – С. 689–691.
8. Мартишина Н.И. Концепция многообразия видов познания и стратегические ориентиры высшего образования // Высшее образование в России. – 2016. – № 6. – С. 55–61.
9. Ореховский П.А., Разумов В.И. Время карнавала: российская высшая школа и наука в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 1. – С. 77–94. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94.
10. Ореховский П.А., Разумов В.И. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1. – С. 84–102. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102.
11. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры. – URL: http://www.metaphor.narod.ru/gasset_two.htm (дата обращения: 07.02.2022).
12. Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 613–680.
13. Фрамм Э. Искусство любить. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 224 с.
14. Яковлева А.Ф., Селезнева А.В., Емельянова Н.Н. Образ науки в представлениях молодых ученых: социокультурные измерения // ПРАЭНМА. Проблемы

визуальной семиотики. – 2020. – Вып. 4 (26). – С. 195–213. – DOI: 10.23951/2312-7899-2020-4-194-213.

15. *Eco U.* Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition / Transl. from the Italian by A. McEven. – San Diego; New York; London: A Harvest Book, 1999. – 464 p.

16. Science Literacy: Concepts, Contexts, and Consequences. – Washington, DC: The National Academies Press, 2016. – DOI: 10.17226/23595.

17. *Wylie C.D.* ‘I just Love Research’: Beliefs about What Makes Researchers Successful // *Social Epistemology*. – 2018. – Vol. 32 (4). – P. 262–271. – DOI: 10.1080/02691728.2018.1458349.

Статья поступила в редакцию 21.10.2021.

Статья прошла рецензирование 11.11.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-194-213

NARCISSISTIC CULTURE AND WHERE TO FIND IT

Martishina, Natalya,*Doctor of Sc. (Philosophy), Professor,**Chief of the Department of Philosophy and Cultural Studies**Siberian Transport University**191 D. Kovalchuk Street, Novosibirsk, 630049, Russian Federation*

ORCID: 0000-0001-6402-443X

nmartishina@yandex.ru

Abstract

The article contains a response to the previously published (Ideas and Ideals, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 84–102.) article by P. A. Orekhovsky and V. I. Razumov “The Onset of Narcissistic Culture: Consequences for Education, Science and Politics”. The author considers that the definition of culture as a narcissistic is an effective metaphor that allows to conceptualize a general tendency that now manifests itself in a number of outwardly disparate phenomena. The ethos of modern culture is the self-centeredness of its representatives, the organization and assessment of reality in relation to this center as a natural attitude. The article suggests some of the possible directions for the development of the concept. The foundations of narcissistic culture go back to the demassification of production and devaluation of objective knowledge in information dynamics. The author traces the connection between the spirit of narcissistic culture and the development of subject-practical knowledge (systematized and didactically formalized experience) as a special epistemic type and a kind of alternative to classical scientific knowledge. The article indicates the problems associated with the parallel functioning of two types of knowledge in the educational system. Another natural consequence of the onset of narcissistic culture is radical formalization of the education system, since demonstration and positioning in this type of culture are more important in comparison with the real content. In this regard, the author notes an increasing gap between the circulation of information in communication flows and the achievement of the knowledge by their participants. The generic sign of knowledge is consistency, which, among other things, involves the establishment of meaningful relationships between areas of knowledge that form both the general and professional picture of the world. Constant transformation of the organizational framework of education, controlled by formal signs, destroys, firstly, these relationships. In addition, the author evaluates pseudo-scientific knowledge as one of the manifestations of narcissistic culture. The traditional foundation of the pseudo-science is an intermediate level of education, which connects a reverence towards science with an inability to assess the content of scientific ideas. This foundation is complemented in a narcissistic culture by a general belief in the justification of any views and the sufficiency of one’s own opinion in any case. At the same time, the narcissistic culture has its own resources for growth, and the author sees the opportunity to use them, including the educational practice.

Keywords: narcissism, modern culture, philosophical metaphor, higher education, information and knowledge, subject-practical knowledge, pseudo-scientific knowledge.

Bibliographic description for citation:

Martishina N. Narcissistic Culture and Where to Find It. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 1, pt. 1, pp. 194–213. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-194-213.

References

1. Berdyaev N.A. Ya i mir ob"ektov. Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya [I and the world of objects: The experience of the philosophy of loneliness and communication]. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of the free spirit]. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 230–316.
2. Black M. Metaphor. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 153–172. (In Russian).
3. Bacon F. O mudrosti drevnikh [The Wisdom of the Ancients]. Bacon F. *Sochineniya* [Collected works]. In 2 vol. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1978, pp. 231–300. (In Russian).
4. Donskikh O.A. Delo o kompetentnostnom podkhode [Matter of competency-based approach]. *Vysshiee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2013, no. 5, pp. 36–45.
5. Zeleny M. Znanie protiv informatsii [Knowledge versus information]. *Elitarium 2.0*: website. (In Russian). Available at: http://www.elitarium.ru/znanie_protiv_informacii (accessed 07.02.2022).
6. Sviderskaya I.V., Kratasyuk V.A., comp. *Kak napisat' i opublikovat' stat'yu v mezhdunarodnom nauchnom zhurnale* [How to write and publish an article in an international scientific journal: methodical recommendations]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2011. 52 p.
7. Kasavin I.T. Paranauka [Parascience]. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow, Kanon+ Publ., 2009, pp. 689–691.
8. Martishina N.I. Kontseptsiya mnogoobraziya vidov poznaniya i strategicheskie orientiry vysshego obrazovaniya [The theory of epistemological diversity and some strategic guidelines for higher education]. *Vysshiee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2016, no. 6, pp. 55–61.
9. Orekhovskiy P., Razumov V. Vremya karnavala: rossiiskaya vysshaya shkola i nauka v epokhu postmoderna [Carnival Time: Russian Higher Education and Science in the Postmodern Era]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 3, pt. 1, pp. 77–94. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94.
10. Orekhovskiy P., Razumov V. Nastuplenie nartsissicheskoi kul'tury: posledstviya dlya obrazovaniya, nauki i politiki [The Onset of Narcissistic Culture: Consequences for

Education, Science and Politics]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 84–102. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102.

11. Ortega-i-Gasset H. *Dve glavnye metafory* [Two main metaphors]. (In Russian). Available at: http://www.metaphor.narod.ru/gasset_two.htm (accessed 07.02.2022).

12. Plato. Kratil [Cratyl]. Plato. *Sobranie sochinenii* [Complete Works. In 4 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, pp. 613–680. (In Russian).

13. Fromm E. *The Art of loving*. New York, Harper, 1956 (Russ. ed.: Fromm E. *Iskusstvo lyubit'*. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004. 224 p.).

14. Yakovleva A.F., Selezneva A.V., Emelyanova N.N. Obraz nauki v predstavleniyakh molodykh uchenykh: sotsiokul'turnye izmereniya [The image of science in the views of young scientists: social and cultural dimensions]. *IIPAEHMA. Problemy vizual'noi semiotiki = IIPAEHMA. Journal of Visual Semiotics*, 2020, iss. 4 (26), pp. 195–213.

15. Eco U. *Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition*. Transl. from the Italian by A. McEven. San Diego, New York, London, A Harvest Book, 1999. 464 p.

16. *Science Literacy: Concepts, Contexts, and Consequences*. Washington, DC, The National Academies Press, 2016. DOI: 10.17226/23595.

17. Wylie C.D. 'I just Love Research': Beliefs about What Makes Researchers Successful. *Social Epistemology*, 2018, vol. 32 (4), pp. 262–271. DOI: 10.1080/02691728.2018.1458349.

The article was received on 21.10.2021.

The article was reviewed on 11.11.2021.